

ГАНС ЗВЕРС

Охотники
на дьявола

«Охотники на дьявола» — роман немецкого писателя и поэта Ганса Эверса (нем. Hanns Ewers, 1871–1943).

Молодой писатель и странствующий философ Франк Браун находит в итальянских горах деревушку, быт которой кажется монотонным, если бы не психологические способности Брауна, который провоцирует среди местных жителей небывалую вспышку фанатизма...

Ганс Эверс — автор произведений готической направленности, самыми известными из которых являются «Паук», «Альрауне» и «Смерть барона фон Фриделя».

Ганс Гейнц Эверс

ОХОТНИКИ НА ДЬЯВОЛА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Итак, я буду очень рад видеть вас у себя сегодня к ужину! — сказал Франк Браун старому священнику.

Дон Винченцо протянул ему руку.

— Если позволите. До вечера!

Франк Браун медленно направился к гостинице, стоявшей на самом берегу озера. Там он выбрал комнату, умылся, написал несколько писем и вышел прогуляться. Когда он вернулся, колокол уж звал к столу. Но он сначала поднялся к себе, тщательно выбрился, переделался и спустился вниз, когда уже подавали третье блюдо.

Священник уже ждал его за небольшим столом у окна.

— Простите, я заставил вас ждать — эта одна из моих скверных привычек. — Он взял карту вин и предложил гостю выбрать марку.

— Удивительно! Вы выбрали как раз мое любимое вино!

Несмотря на это, Франк Браун не выпил и полустакана, а ел и того хуже; зато он все время следил, чтоб тарелка соседа не была пустой. Когда

подали десерт, Браун очистил яблоко для старика, отрезал ломтик для себя и посолил его.

Священник покачал головой:

— Вы едите яблоко с солью?

— Разумеется. Только тогда чувствуешь настоящий аромат яблока.

Священник тоже посолил свое.

— Да, вы правы. Всегда надо уметь подойти к сущности вещей.

— Конечно, дон Винченцо. Это — самое главное.

— Позвольте, почему это — самое главное?..

— Я имею в виду, что диагноз должен всегда быть на первом плане. Например, если мы хотим сделать яблоко...

— Сделать — яблоко? Но мы не желаем делать яблоки!

— Почему — мы не желаем? Напротив, мы все хотим делать!

Оставим яблоки, возьмем что-нибудь другое, например, холеру. Для того, чтобы бороться с нею, необходимо изучить жизнь бацилл. Не так ли?

— Совершенно верно. Но яблоки вы ведь хотите сделать, а холеру, наоборот, хотите уничтожить. С нею нужно бороться, а не создавать ее.

Франк Браун улыбнулся.

— Почему — нет? Ведь каждый год

изобретают все новые и новые средства, чтобы возможно скорей и наиболее верным способом истребить как можно больше людей. Почему же не пустить во вражеский лагерь, вместо лиддита и мелинита, какую-нибудь страшную чуму, которая действует вернее всех смертоносных орудий?

Священник перекрестился.

— Пречистая Дева! Помилуй нас!

— Я тоже надеюсь, что этого никогда не будет. Война вообще глупая вещь! — заметил Франк Браун.

Дон Винченцо пристально посмотрел на своего собеседника. Где он видел это продолговатое, загорелое лицо, эти глаза, то голубые, то серые, то вдруг зеленые? Ему казалось, что он уже раньше знал этот высокий, слегка выпуклый лоб с прямой прядью пепельных волос, и эти губы, слегка опущенные вниз, и полуоткрытый рот, показывающий белые зубы с кусочками золота между ними...

— Нет, нет, ваше преподобие! Вы не знали прежде меня. Сегодня утром мы впервые встретились с вами на пароходе.

— Что это значит? Вы читаете в мыслях?

— Разве это так трудно? Почти все люди похожи на открытую книгу. Особенно священники.

— К счастью, не все люди умеют читать.

— Да, дон Винченцо, есть много

безграмотных. Мы вернулись опять к тому же вопросу. Самое важное — уметь читать. Эти значит, — видеть, познавать. И потом нужно уметь писать, т. е. творить...

— Доктор, вы католик?

Вопрос был поставлен неожиданно, но Франк Браун не смутился.

— Пока нет, — ответил он спокойно, — но, — кто знает? — быть может, я стану таковым когда-нибудь. Надеюсь, однако, мы не будем теперь заниматься религиозным спором. Сегодня утром я просил вас указать мне тихий, укромный уголок, где я мог бы спокойно прожить пару месяцев. Вы указали мне Валь-ди-Скодра. Почему вы сами не хотите навестить эту заброшенную деревушку?

— Не хочу! Скажите лучше: не могу. Я получил сегодня письмо, в котором мне сообщают, что в Валь-ди-Скодра теперь не вполне тихо и не совсем спокойно: местные жители устраивают сектантские собрания.

— Кто же руководит ими?

— Во главе их стоит Пьетро Носклер, или мистер Питер, как он величает себя, или «Американец», как его называют крестьяне.

— Но кто такой этот мистер Питер?

— Это — бывший эмигрант. Лет тридцать тому назад, шестнадцатилетним юношей, он поехал искать счастья в Америке. Сначала он жил в

Нью-Йорке, затем — в Чикаго и, наконец, попал куда-то в Пенсильванию. Всюду ему не везло, и он с трудом перебивался с женой. К счастью, детей они не имели. Здесь, в Пенсильвании, он примкнул к какой-то религиозной мистической секте из чисто материальных соображений: за ним начали ухаживать, заботы о пропитании отпали от него, и мало-помалу из ничтожного лапотника он превратился в настоящего сапожника, потом обзавелся даже собственным магазином. В этот момент ему свалилось счастье: для сооружения нового храма община устроила лотерею, и главный выигрыш — двадцать тысяч долларов — достался ему. Это дало ему возможность осуществить свою заветную мечту — вернуться на родину. Здесь он купил дом, открыл обувную лавку, — деньги он вложил, по моему совету, в государственные бумаги — и живет около трех лет. Однако, хозяйство отнимает у него слишком мало времени и, от нечего делать, он начал устраивать у себя религиозные собрания, на которых проповедует покаяние в грехах.

В такой заброшенной деревушке все мрут со скуки; эти собрания с пением и молитвами — единственное развлечение после работ; поэтому понятно, что количество слушателей Американца до того разрослось, что ему пришлось выстроить специальный сарай для собраний: у него дома они

уже не помещались.

— Но не противоречит ли его учение вашему, дон Винченцо?

— И да, и нет. Он говорит, например: исповедь нужна; но мало поверять свои грехи с глазу на глаз священнику: нужно иметь мужество заявлять о них открыто на собраниях. Только таким путем можно изгнать злого духа, который бродит по всей земле.

— И вы спокойно смотрите, как ваша паства идет к нему?

— Да. Это — тактика, которой вот уже двенадцать лет придерживается наш епископ. Он — очень умный человек и, поверьте, это самая удачная тактика.

— Однако, мне кажется, сидеть сложа руки, как вы, и смотреть, как движение принимает все большие и большие размеры, — совсем не в духе церкви!

— Вы не знаете наших гор, милый доктор. Иначе вы не говорили бы так. Видите ли, там, в глубоких долинах, окруженных горами, которые уходят высоко за облака, рождаются и живут люди, как в вечной темнице. Их мир бесконечно мал. Никогда они не видят широкого горизонта, никогда их взор не выходит за пределы их глубокой и тесной дыры. Каждый из них страдает уродством: одни — духовным, другие — телесным. Как

слепые, они ощупью бродят, и так забыли жить, что не могут вспомнить, даже выйдя на широкий простор.

Тридцать лет, например, прожил Пьетро Носклер в Америке, а знает о ней столько же, что вот эта бутылка! Горы словно сжали, сдавили дух своих обитателей. Они все — христиане, благочестивее которых нет во всем мире; они любят Богоматерь и Христа. Но нас, священников, ужас охватывает порой, когда мы видим, как они веруют. Наш епископ однажды сказал очень метко: «Наши горы имеют больше богов, чем Рим и Эллада и вся Азия». Почти не проходит года, чтоб в какой-нибудь деревушке не возникла новая мистическая секта. Таким образом, вы видите, то, что творится сейчас в Валь-ди-Скодра, не ново для нас; немного новы лишь американские идеи.

— И вы считаете, что своим... ничегонеделанием боретесь с этими явлениями?

— Да. Не нужно вмешиваться! Именно таким образом мы достигаем блестящих результатов. Мы оставляем их в покое — и через короткое время угар проходит, и они снова стремятся в старую церковь, как ни в чем не бывало. Никто из них не знает, что он хочет; у них нет никакой руководящей идеи; поэтому их увлечения так безопасны; это своего рода болезнь гор, — наш епископ называет ее долинной лихорадкой.

— А знает епископ о происходящем в Валь-ди-Скодра?

— Разумеется. Я докладывал ему об этом, когда мне показалось, что движение принимает слишком серьезные размеры. Но он рассмеялся и сказал, что новая пенсильванская мода внесет хоть некоторое разнообразие, и настойчиво рекомендовал мне не вмешиваться, ибо, по его мнению, всякое давление может привести лишь к сопротивлению.

Я не был там уже четыре месяца. Последний раз я служил там обедню лишь для одного человека: все бегут теперь к Американцу.

Они собираются у него четыре раза в неделю и поднимают невообразимый шум своим пением и оглушительной музыкой. Однако, вас они беспокоить не будут: их сарай построен как раз на противоположном конце деревни.

Франк Браун улыбнулся.

— В таком случае, я отправляюсь туда завтра же утром. По-видимому, этот Американец — человек, которого можно использовать.

— Использовать?.. Как так?

— Разве я могу заранее знать? Все зависит от момента. В этих обитателях горных долин заложена таинственная, мистическая сила, и никакую силу нельзя оставлять неиспользованной.

— Эта сила — явление болезненное; и чем

скорее она сгинет — тем лучше.

— Нет, вы не правы, старик, — сказал Франк вполголоса. — Ничто не должно погибнуть, не вкусив вполне жизни.

— Но злое...

— Даже злое! Оно имеет право на жизнь, как и все остальное. Отвратительно лишь то, что ничтожно! Все же сильное — красиво!

— Американец мало поймет из того, что вы только что говорили.

— Ему не нужно понимать, — ответил Франк Браун. — Его дело — созидать! Ах, если бы он мог сделать из этих жителей гор одну сплошную, цельную массу! Зверя, мощного зверя я буду иметь тогда, дон Винченцо, а тогда уж, — поверьте мне, — я сумею научить его кусаться!

— Вы мне разрешите, доктор, задать вам один вопрос?

— Разумеется.

— Гм... кто вы?

Доктор встал. Все лицо его светилось ясной, почти детской улыбкой.

— Кто я? Простой смертный. Зовут меня Франк Браун; я умею читать и писать.

Франку Брауну пришлось ждать несколько дней почты в Валь-ди-Скодра.

Всю дорогу он ехал молча, не отвечая на замечания соседей, не обращая внимания на

красивый пейзаж.

В деревне его поразила царившая там тишина и безлюдье. Она словно вымерла. Только с восточной стороны до него доносился неясный шум; он различил в нем человеческие голоса, затем протяжные звуки гармоники и, наконец, отрывистый бой барабана и звон треугольника. «Американец устроил концерт, — подумал Франк, — и вся деревня теперь у него».

Ему пришлось обойти все селение, прежде чем он увидел живое существо. Это был седобородый мужчина, сидевший на скамье перед домом, по-видимому, гостиницы.

— Добрый вечер! Вы — Пеппино Раймонди? Меня к вам направил дон Винченцо. У вас найдутся для меня две комнаты?

Хозяин повел его наверх, показал свободные комнаты рядом с комнатой дочери и предложить выбрать мебель по своему желанно.

Франк Браун выбрал комнаты с видом на озеро, помог хозяину перетащить нужную мебель, разобрал свои вещи, умылся и спустился в ресторан. Там сидели хозяин и пограничный жандарм Дренкер.

В комнате было довольно темно. Вдруг из двери напротив вырвался сноп света, и явилась молодая девушка с двумя большими свечами.

— Это ваша дочь? — спросил Франк хозяина.

— Да, это Тереза, дочка. Славная девка!
Подойди сюда, Тереза.

Но девушка отвернулась и вышла так же молча, как и вошла.

— Подай ужин! — крикнул ей вслед отец. — Гости, вероятно, уж проголодались.

Через минуту она снова вошла, накрыла скатертью стол, поставила приборы и подала ужин.

Франк Браун поздоровался с нею, но она едва поклонилась в ответ. Она не села с ними за стол, а устроилась на скамье у окна и достала шитье.

Франк начал внимательно разглядывать ее. Это была высокая, стройная девушка, лет двадцати, с черными, как у отца, волосами и с огромными синими глазами: ее мать была немка.

Франк попросил у девушки хлеба, она поставила его на стол, но ни слова не ответила на его вопросы, — только недоверчиво взглянула на него и снова села на прежнее место.

Продолжая пить, есть и болтать, Франк не переставал наблюдать за девушкой. Он заметил, как она, время от времени, кидала на него украдкой быстрый, вопросительный взгляд, потом вынимала из кармана письмо, читала его и снова взглядывала на Франка.

«Так вот что, дитя мое: ты получила сегодня письмо и, по-видимому, от дона Винченцо, твоего исповедника? Он предостерегает тебя против меня?»

Вот почему ты так подозрительна! — подумал Франк Браун. — Старик, старик, как ты еще глуп! Я никогда бы не коснулся твоей духовной дочери. Но теперь... зачем ты меня раздражил? Ты так стар уж, священник, и до сих пор не знаешь, что соблазнительно всегда лишь запретное...»

Франк снова посмотрел на девушку. У был прямой, красивый нос и не очень высокий лоб; густые черные брови лежали дугой над темно-синими глазами, на которые падала тень от длинных ресниц; при каждом вздохе ноздри ее дрожали и раздувались; рот был немного велик, а слегка сжатые губы, словно пышный гранатный цвет, выделялись на белом, как воск, лице.

Ее мелкие черты выражали смирение и кротость, но за ними, чувствовалось, дремлют какие-то силы.

Быть может, из этой девушки могла бы выйти великая артистка... Быть может, крупная кокотка...

Ее грудь высоко поднималась и опускалась в чересчур тесном корсете. Жадным взглядом он раздевал ее, срывал с нее косынку и тяжелый серебряный кушак... Она поймала его взгляд и густо покраснела. Стыд опустил ее веки, но ненависть заставила поднять их. Дрожащими руками она положила обратно в карман письмо, отвернулась и быстро, твердыми шагами, вышла из комнаты, захлопнув дверь.

Франк Браун посмотрел ей вслед. Его дикий, жадный порыв постепенно проходил, складка губ стала мягче, и глаза приняли спокойное, мечтательное выражение.

— Бедное, прекрасное дитя!.. — прошептал он. Потом, проведя рукой по волосам, он резко потрянул головой, словно желая прогнать свои мысли, и воскликнул:

— Я хочу петь! А ты, хозяин, принеси нам лучшего вина!

Он побежал к себе, снял со стены гитару и вернулся на прежнее место.

— За ваше здоровье, г. Дренкер! — Он чокнулся с жандармом, потом с хозяином. — Хотите держать пари, что я вас перепою?

— Bravo! — рассмеялся жандарм. — Только лучше не спорьте. Вы не знаете, на что способен Алоис Дренкер.

— Но я все-таки хочу держать пари! Хотите — ваша каска за мою гитару.

— Идет!

Жандарм встал, отстегнул портупею и поставил в угол тяжелую саблю.

— Я готов.

Франк настроил гитару.

— Что вам спеть?

— Мне все равно. Что знаете.

Франк Браун запел.

Он пел задорные студенческие песни, и двусмысленные шансонетки, и солдатские песни, полные грубых сальностей, которым с воодушевлением подтягивал жандарм. Франк был неистошим. Он пел то романсы неаполитанских уличных певцов, то андалусские мелодии, то матросские песни, то куплеты монмартрских кафе. Жандарм хохотал, хлопал по столу кулаками и пил стакан за стаканом. Франк Браун не отставал от него. Он пил и пел...

Хозяин уже ушел к себе, не простившись. Слышно было, как он повалился на постель, словно подкошенный. А они еще пили...

Наконец рука жандарма тяжело упала, ударив стаканом о край стола; его могучая голова грузно опустилась на грудь, и он захрапел.

Франк рассмеялся. Встал, взял гитару и подошел к окну.

Долго сидел он здесь на скамейке. Почти бессознательно коснулся он струн и взял несколько тихих аккордов.

Полились грустные бретонские песни, рожденные одиночеством, морем и вечной тоской. И в этот миг внезапно, почти инстинктивно, постиг он, что долгие годы искал ощупью, полный сомнений. В ярком свете увидел он заключительное звено длинной цепи размышлений, и им овладела твердая уверенность в себе.

Франк Браун встал. Безумный огонь сверкал в его глазах. Он подошел к столу, налил полный стакан вина и выпил.

— Черт побери! Нет никакой возможности опьянеть от вина. — Он вынул бумажник, достал из него маленькую бумажку, бережно развернул и высыпал из нее мелкий порошок в стакан с вином. Он пил, смакуя...

Медленно, с трудом волоча ноги, он вышел на улицу. Вдруг горячая волна пробежала по телу, ударила в руки и ноги... Глубоко вздохнув, он вытянул руки, поднял голову и увидел наверху, в третьем окне, слабый свет...

* * *

Франк Браун быстро взбежал по лестнице, словно гонимый самой судьбой. Он вошел в свою комнату, быстро разделся, накинул халат и вышел...

Перед дверью Терезы Франк нерешительно остановился, словно боясь чего-то. Он прислушался — ни звука. Быстро откинув защелку, он вошел в ее комнату. Напротив висел образ Богородицы, украшенный веткой бука и тремя анемонами. Направо от него была чаша со святой водой, налево теплилась лампадка. Слабый свет падал на кровать молодой девушки.

Она еще не спала. Широко открытыми глазами она смотрела на него, вся побледнев, с дрожащими губами. Она не сказала ни слова, — только умоляюще смотрела на образ. Она молилась.

Он схватил ее; она громко вскрикнула, вскочила, ударила его кулаком по лицу и вонзилась ногтями в его тело.

Франк схватил девушку за талию, прижал ее к кровати, а правой рукой сдавил голову. Каким-то образом палец его попал в ее крепкие зубы; он закричал от невыносимой боли, схватил ее за косы, обмотал их вокруг руки, рванул ее голову — и только тогда разжались ее губы. Тереза не закрыла глаз и не кричала. Рядом с ним она неподвижно лежала и смотрела на него, как на чудовище, от которого некуда скрыться. Она не жаловалась и не плакала.

В этот момент его горячую грудь наполнило чистое чувство полного мира. Он заговорил и голос его звучал тихо и мягко, как звуки далекой, сладкой музыки. Странно-чарующе отдавались в ее ушах его слова. Они освежали, они окутывали ее голое, измученное тело. Только теперь она разрыдалась. Он обнял ее бережно, ласково, словно ребенка.

Тереза откинулась назад и взглянула на него. Ей казалось, что это — не тот, который только что... Она не узнавала его. И слегка, против собственной воли, она пожалала ему руку.

А он продолжал говорить ей сладкие, любовные слова. Она уже не сопротивлялась его поцелуям и крепким объятиям. Она не стыдилась своих ласк... И ту самую руку, которую недавно так больно укусила, она покрыла теперь горячими поцелуями...

Он проснулся под утро и осторожно, чтобы не разбудить спящую, прошел в свою комнату и тотчас уснул.

На следующий день Франк Браун встал с радостным чувством. Он одержал три крупные победы:

— Я могу еще пить, как когда-то, и могу получать откровения... А любить — я тоже могу, как когда-то!

Он быстро оделся и сошел вниз. Терезы там не было; ему прислуживал ее отец. Оказалось, Тереза уехала к своему духовнику, но, не застав его в городе, вернулась раньше, чем предполагала.

Франк Браун ел не торопясь, надеясь увидеть Терезу. Однако, она не пришла.

Вечером он встретил ее в саду, но она убежала, как только он приблизился к ней. И в тот, и на следующий день он хотел заговорить с нею, но она избегала его, почти скрывалась. Один раз он попытался пойти к ней ночью; но дверь оказалась запертой. Временами его почти бессознательно влекло к ней. Но скоро он перестал о ней думать.

Его мысли принадлежали работе. До глубокой ночи он просиживал над книгами, приводил в порядок таблицы и выписки и видел, как труд его растет и принимает осязательные формы.

Однажды он пошел на собрание к мистеру Питеру.

Огромная комната едва освещалась и вентилировалась одним окном, вделанным в боковую стену. Три стены ее были из голого камня и только четвертая обита досками.

Единственным украшением было большое распятие, висевшее на задней стене.

Все с жаром пели и молились. Затем Американец произнес проповедь, в которой он горячо нападал на дьявола, отца всех грехов. Он призывал к покаянию и закончил речь страстной молитвой.

Затем он спросил, не желает ли кто-нибудь «повидать свою душу».

Вперед выступил его слуга, Скуро, здоровенный детина с огромной рыжей головой, и начал каяться:

— Я был раньше черен, как дьявол в аду, а теперь, по милости Спасителя, сделался чистым. Прежде я был полон вином, а теперь я наполнился Святым Духом...

Немного разочарованный, Франк Браун ушел с собрания, когда «охотники на дьявола», как они

назывались, запели в четвертый раз великопостную молитву.

* * *

Тереза стояла на коленях в исповедальне и, опустив голову на руки, закрыв крепко глаза, говорила без пауз, беззвучным голосом. Не прерывая, терпеливо слушал ее старый священник, сидевший в кресле.

Тереза умолкла. Медленно подняв голову, она посмотрела на священника беспомощно и глубоко-вопросительно.

Минуты бежали, а старик ничего еще не сказал своему духовному чаду и не знал, что он должен сказать: конечно, девушка согрешила; но так ли велик ее грех?

Ее губы опять зашевелились и тихо, так, что он скорее угадал, чем услышал ее, она спросила его:

— Ваше преподобие, правда ли, что... его... прислал рок?

Старик молчал.

Девушка поднялась с колен и подошла к нему совсем близко.

— Что же мне делать? — спросила она.

— Я не знаю, — прошептал священник.

Тереза бросилась к его ногам, зарылась

головой в его рясу и разрыдалась. Старик чувствовал, как ее слезы промочили насквозь его платье; он хотел помочь ее горю, но не мог и только тихонько гладил ее по голове.

Вдруг девушка встала и схватила его руку. Она задыхалась.

— Ваше преподобие, скажите, это правда?.. Его послала судьба?

И в ее глазах светилось горячее желание и бесконечная надежда услышать: да. Он ясно чувствовал это. Он знал, что все ее существо наполнено прекрасным образом чужестранца — пылкого, мечтательного, бросающего вызов небесам.

Но, сделав над собой усилие, он ответил, не глядя:

— Не знаю.

Она разрыдалась. Бесконечное сострадание к ней заговорило в его душе; он поднял ее голову и ласково спросил:

— Разве ты так сильно любишь его?

— Да, батюшка, больше жизни.

Он тихо поцеловал ее в лоб.

— Тогда иди, дитя мое. Прими свой жребий. Это Божий промысел.

Она посмотрела на него с благодарностью; у нее не было сил сказать хоть слово. Потом, схватив его руки, она покрыла их слезами и поцелуями.

Франк Браун поздно сошел вниз: он работал всю ночь до рассвета. Тереза молча стояла за завтраком подле него и ждала его взгляда. Но он почти не видел ее. Он не заметил ни ее отсутствия, ни возвращения. В следующие дни она тоже не отходила от него во время еды, но заговорить с ним не решалась; она только прислуживала ему, немая, как рабыня.

Однажды она тихо сказала ему:

— Дон Винченцо просил передать вам привет.

— Благодарю.

Он взглянул на девушку и заметил, что она была хороша.

— Ты видела священника?

— Да, четыре дня тому назад я была в городе.

— Ты исповедовалась?

Она кивнула головой.

Франк Браун болтал с Терезой, но не прикасался больше к ней. Он был ласков и добр с нею, как с хорошеньким ребенком, присутствие которого терпят. Иногда, когда он брал лютню, он звал ее к себе: она должна была спокойно сидеть и слушать.

Когда он отправлялся кататься по озеру, то давал ей весла, и она гребла. А он молча сидел

против нее и о чем-нибудь думал или мечтал.

Он приучил ее бегать рядом с ним во время прогулок, терпеливо, внимательно, как хорошо выдрессированная собака. Франк высказывал ей свои мысли, спрашивал ее совета и сам за нее отвечал: так ему легче было уяснять себе самому свои мысли.

Терпеливо, серьезно, целыми часами слушала его Тереза. Она мало понимала из того, что он говорил, но все ей казалось великим и прекрасным, а сознание, что ее господин разговаривал с нею, делало ее бесконечно счастливой.

Иногда, среди ночи, среди ночи, он приходил в ее комнату, будил, садился на кровать и начинал рассказывать. Она, по обыкновению, тихо, серьезно слушала его. Иногда он оставался у нее, смеясь, обнимал и ласкал ее, а она закрывала глаза и вся дрожала от счастья.

Однажды, уже вечером, к нему постучались.

В комнату ввалился служивший при гостинице Анджело и доложил, что барина очень просит Мариано Венье пойти навестить его жену, которая больна, при смерти.

— Но я — не врач! — заявил Франк. Однако Анджело не двигался с места. Франку пришлось еще раз повторить, что он ничего не понимает в медицине; тогда слуга вышел, но тотчас вслед за ним в комнату вошли хозяин и Тереза.

— Венье стоит внизу и не хочет уходить. Пойдите же к его жене, доктор! — сказал Раймонди.

— Но я ничем не могу ей помочь. Я — не врач, — ответил Франк.

Хозяин почесал затылок и плюнул.

— Вам ведь никто не поверит: все думают, что раз вы доктор, вы должны уметь лечить.

Было видно, что он и сам думает так же.

Наконец, Раймонди прибег к последнему доводу.

— Там теперь Американец; он хочет молиться о ее здравии; вы можете сделать для нее столько же, сколько и он.

Но у Франка не было желания состязаться с Американцем.

Тут подошла к нему Тереза.

— Пойдите к бедняжке, — попросила она, — быть может, вы все-таки ей чем-нибудь поможете.

Он рассмеялся.

— Право, дитя, я ничего не умею.

Тереза серьезно, большими глазами, посмотрела на него, взяла за руку и проговорила:

— Пожалуйста, походи к бедняжке. Ты все можешь...

Он вздохнул, пожал плечами, достал опиум, хинин и пирамидон из дорожной аптечки и отправился к больной...

Спальня, в которой лежала Матильда Венье, была полна народу. Воздух в ней был сперт донельзя.

— Откройте окно! — приказал Франк Браун. Но больная поднялась на кровати и громко закричала.

— Нет! Пусть окно будет закрыто! Пьетро Носклер приказал, чтобы его закрыли.

Франк Браун обернулся. Рядом с ним стоял Американец. Он был весь в черном; в длинном сюртуке, застегнутом до самой шеи, как у миссионеров. Безбородое лицо, маленькие, слегка косые, глубоко сидящие глазки, низкий, выдающийся вперед череп, отсутствующий подбородок, приплюснутый нос, широко оттопыренные уши с приросшими мочками свидетельствовали о вырождении; шея была изрезана золотушными рубцами; движения торопливы, как у эпилептиков.

«Ему мне было бы легче поставить диагноз, чем больной», — подумал Франк Браун.

— Дайте ваш пульс, — попросил он больную.

Но женщина спрятала руку под одеяло и взглянула на Франка почти с ненавистью.

Тогда вмешался Американец.

— Дай руку, сестра! — сказал он больной, и та послушно протянула ее Франку.

Пульс больной свидетельствовал о сильной

лихорадке. Ее язык и весь рот были сильно обложены. Она хрипела и кашляла.

Не подлежало никакому сомнению, что она была серьезно больна. Но Франк не знал, что нужно делать.

— Как долго она не спала? — спросил он неуверенно.

— Уже три ночи, — ответил Американец.

«Ей не может повредить ни в коем случае, если она как следует выспится, — подумал Франк Браун. — Я дам ей немного опиума».

— Принесите воды! — попросил он, — я дам ей лекарства.

Но больная закричала и замахала руками.

— Он отравит меня!

Она запела священный стих, и присутствующие вторили ей.

Ее муж сделал знак Франку Брауну, и они вышли в соседнюю комнату. Венье подал здесь Франку графин воды.

— Пришли сюда мистера Питера, — приказал он.

— Что вам угодно, доктор? — спросил, войдя в комнату, Американец.

— Вот стоит лекарство. Я уйду сейчас, и ты дашь его больной. Ты останешься всю ночь здесь?

— Да, — ответил Пьетро Носклер, — мы будем бодрствовать и молиться.

— Прекрасно, — продолжал Франк Браун. — Один стакан ты дашь ей сейчас же. Она охотнее примет лекарство из твоих рук. Я надеюсь, что оно несколько успокоит ее, и она скоро уснет. Если же больная снова проснется, ты дашь ей другой стакан!

Американец молчал, но по его лицу видно было, что он собирался сделать, когда уйдет доктор: взять стакан и вылить все его содержимое.

Франк Браун вспыхнул. Схватив за плечи Американца, он начал его трясти изо всех сил.

— Взгляни на меня! — крикнул он повелительно. — Ты сделаешь то, что я говорю! Я этого хочу — понимаешь?

— Да, я сделаю это, — пробормотал Американец, взял стакан и вышел к больной.

* * *

На следующий день Франк встретил мужа Матильды.

— Ну, как здоровье жены?

Мариан Венье посмотрел недоверчиво.

— Вы не помогли ей. Я не заплачу вам.

— Мне не нужно твоих денег. Я хочу только знать, как здоровье больной.

Венье сразу сделался любезнее:

— Ей лучше. Скоро она будет совсем здорова. Спасибо за то, что вы пришли.

Но тут же добавил:

— А спас ее все-таки Американец.

Вся деревня только и делала, что говорила о чудесном выздоровлении Матильды Венье. Говорили, что уже не было никакой надежды на ее спасение, что даже искусство знаменитого немецкого врача было бессильно. И только мистер Питер своими молитвами и бдением в течение трех долгих ночей спас ее тело, уже попавшее дьяволу в когти!

Тереза вошла в комнату Франка.

— Ведь это вы спасли Матильду, а не Американец? Правда?

«Она сама спасла себя», — подумал Франк Браун, но ответил Терезе:

— Нет, наверно, Американец: он так усердно молился! Девушка не знала, шутит он или говорит серьезно. В эту минуту в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Франк Браун.

Тереза открыла дверь и, увидев Американца, вскрикнула и убежала.

Франк Браун поздоровался с ним и предложил ему стул. От сильного смущения мистер Питер потирал свои огромные красные ручища о брюки. Потом, заикаясь, сказал, что пришел поблагодарить доктора за спасение сестры.

Хотя все-де говорят, что он спас больную, но это лишь потому, что никто не видел, как доктор

приготовлял лекарство.

— Вы сказали это кому-нибудь? — спросил Франк.

— Пока — нет, но в ближайшее воскресенье я заявлю на собрании, что не я, а немецкий доктор спас нашу сестру.

Франк Браун пристально посмотрел на него.

— Ты этого не сделаешь, — сказал он спокойно.

— Почему же нет? — и Пьетро стал ерзать на стуле. — Почему не сделаю? Я должен заявить это. Ведь это — правда.

— Ты не скажешь этого. Я сам приду на собрание, и если ты скажешь это, я встану и заявлю, что ты лжешь. Не я исцелил жену Мариано, а ты!

Пьетро схватился за голову обеими руками.

— Я?.. Но ведь вы дали ей лекарство?

— Нет. Я дал тебе чистой воды, — солгал Франк Браун.

— Я не врач и не умею лечить. Больную спасли твои молитвы и ты. Тебе дал Иисус Христос силу благодати своей, а не мне.

Американец встал. Его глаза сверкали.

— Доктор, верно ли это?

Франк Браун взял протянутую руку и с силой потряс ее:

— Да, все это верно!

«Почему же мне не солгать, раз это так

нравится тебе?»

— подумал он.

Американец перестал сомневаться в себе. Но к его великой вере в себя присоединилась другая: вера в превосходство силы чужестранца. И он смиренно сказал:

— Благодарю вас, доктор.

— Не за что. Всего хорошего, Илия.

— Почему вы назвали меня... Илией? — спросил, заикаясь, Американец.

— Иди сейчас. Я объясню тебе это в другой раз.

Едва ушел Американец, как в комнату вернулась, дрожа и задыхаясь от негодования, Тереза.

— Я не хочу, чтобы он приходил сюда! Что тебе нужно от этого грязного Американца?

Франк пристально посмотрел на нее. Она вздрогнула и тихо, как бы извиняясь, добавила:

— У него дурной глаз.

Франк Браун привлек ее к себе, усадил на колени и положил ее голову к себе на плечо. Затем быстро начал гладить виски. Она не сопротивлялась, а лежала, спокойно дыша, у него на груди. Он уколол ее иглой в руку; лицо ее не выразило признаков боли. Он был доволен.

Усадив ее на стул, Франк сел против нее на столе и задумался.

«Как это удивительно! — думал он. — На вид я кажусь колдуном. А между тем я отлично знаю, что сила — не во мне, а в тебе, дитя мое! И если я сделаю что-нибудь с тобою или с этим дураком-Американцем, которого ты терпеть не можешь, то творить будет все-таки ваша сила, а не моя. Наука говорит, что вы — больные. Но ваша болезнь — большая сила, и я хочу использовать ее, как умею».

Он проделал над девушкой несколько опытов: то давал ей приказания, то задавал вал вопросы, на которые она отвечала в желательном для него смысле. Наконец, ему надоело это занятие, и он разбудил загипнотизированную.

* * *

Франк Браун отправился к Американцу. Его встретила в саду жена последнего — крепкая, маленькая, круглая женщина. Показав на сарай, она благоговейно проговорила:

— Мой муж там; он скоро вернется.

Она ввела гостя в дом, усадила его и долго болтала, пересыпая каждую фразу словами: «мой муж».

Вдруг она испуганно вскочила.

— Он идет, — прошептала она, открыла дверь, поставила на стол свечу и незаметно вышла.

Пьетро встретил Франка мрачно и сдержанно. Он стоял с опущенной головой и смотрел на него со злобой и страхом.

«Погоди, мой зверь. Я еще научу тебя плясать», — подумал Франк Браун и спросил по-английски:

— Как дела?

Мистер Питер вздрогнул, съежился, словно получил удар хлыста, и с кисло-сладкой улыбкой ответил:

— Благодарю. Все в руке Бога. Я молю Его, дабы Он благословил мое начинание.

— Бог не благословит твоего дела, — ответил Франк Браун. — Он требует большего, чем пение и молитвы.

— Чего же Он требует? — спросил подозрительно Пьетро Носклер.

Франк Браун положил руку на плечо Американца. Его голос звучал мягко, спокойно, но чрезвычайно убедительно, когда он заговорил:

— Слушай, Пьетро Носклер! Бог ждет от тебя чуда.

С ужасом смотрел на него мистер Питер.

— Я должен сотворить чудо? Я?... Но люди ведь не делают чудес!

— Не греши! Прочти «Житие святых», — и ты узнаешь, что люди творят чудеса Ты должен сотворить чудо и можешь это, Пьетро. Ты —

пророк Илия! Разве тебе не известно, что души святых могут вселяться и в другие тела по велению Бога?! В тебе сидит душа Илии.

Франк говорил медленно, уверенно, тоном, не допускающим сомнений.

— Недаром же Господь послал тебе столько милостей. Он повел тебя через огромное море, чтобы заставить тебя долгие годы в тяжком труде добывать хлеб твой насущный. Он направил там твои шаги в общину братьев, дабы осветить тебя сиянием Духа Своего. И в Своей безграничной милости дал Он тебе богатый дар и вывел тебя из чужой страны: в долине твоей родины ты должен был вещать Царствие Его и милосердие Спасителя. И здесь, пока ты спал, Он вселил в твое тело душу благочестивого служителя Своего — Илии.

Пьетро шатался, как пьяный, и крепко ухватился за край стола.

— Это верно, — прошептал он; — мне снится каждую ночь кровь агнца. А жена говорит, что я встаю и брожу во сне.

— Не ты встаешь, а пророк, живущий в тебе, — заметил Франк Браун. — Он встает и творит во сне хвалу Господу Богу. Пьетро Носклер, ты — Божий избранник!

Американец едва держался на ногах под пристальным взглядом Брауна. Его руки дрожали, тонкая пена покрывала полуоткрытые губы. Но

взгляд его светился гордым блаженством. Он уже не слышал, что ему говорил тот, другой, они созерцали великолепие Царствия Божия. Франк Браун начал его раздраженно трясти.

— Приди в себя, Пьетро, я говорю с тобой. Ты должен слушаться, понимаешь ли, Пьетро?

Да, он должен был слушаться, — он это знал. Он чувствовали что чужеземец прогнал туман, застилавший ему до сих пор глаза, и указали путь, по какому он должен идти. Но именно за это он ненавидел его. Пьетро безгранично верил каждому слову своего собеседника, и в нем все сильней и сильней росло благоговейное уважение к самому себе, и в то же время перед ним сидела эта беззаботная собака и каждым взглядом, каждым жестом показывала ему свое безграничное неуважение.

Он заскрежетал зубами. Отчего именно Франк был послан к нему?

«Пути Господа неисповедимы», — прошептал он и беззвучно спросил:

— Скажите, доктор, что же мне делать?

— Принеси сначала вина!

Американец посмотрел на него, — его словно хлестнули плетью.

— У меня нет вина. В моем доме никогда не было ни капли, — ответил он.

— Если нет, то походи купи у Раймонди.

Пьетро тяжело поднялся и вышел, как прибитая собака.

Он вернулся с вином.

— Пей и ты тоже!

Франк пил и заставлял пить Носклера.

— Теперь ты меня лучше поймешь. Итак, слушай внимательно.

Что ты делал до сих пор в Валь-ди-Скодра? Ты проповедовал веру, меж тем как здесь нет ни одного неверующего. Ты говорил о покаянии, меж тем как они задолго до твоего появления раскаялись в грехах. Ты заставлял их каяться в грехах открыто, перед всей общиной, а думаешь, что этого довольно для Господа?

Ты убедил их отказаться от вина — бесспорно, это благое дело. Но верь мне, Пьетро, Бог требует большего. И те, кого ты учишь, тоже отвернутся скоро от тебя, они тоже ждут от тебя большего. Ты требовал от них борьбы с дьяволом и обещал им изгнать его. Но каким орудием? Молитвой и пением? Помни, Пьетро, дьявол не боится молитв и песнопений, и если ты хочешь одолеть его, то избери более действительное оружие!

Апостол Павел сказал: «Я бичую и изнуряю тело свое....»

Вот — путь, который нам указали святые!

Итак, возьми бич и истязай свое тело, Пьетро

Носклер, ты же пророк Илия!

Франк Браун умолк.

Американец не отрывал от него глаз; он шевелил языком и губами, но не произносил ни звука, — казалось, он потерял способность речи. Наконец, с большими усилиями, запинаясь, он проговорил:

— Скажи... скажи... кто ты?

— На, выпей, глупая скотина! Кто я — не твое дело, болван! Подумай хорошенько над тем, что я тебе сказал, — для твоей башки вполне хватит.

Он встал и собрался уходить.

— Вот еще что я хотел сказать тебе, Пьетро. Тебя учили в Пенсильвании, что алкоголь — вредный яд, и что в нем сидит дьявол, — совершенно верно!

Он наполнил стакан и отпил глоток.

— А теперь, мой пророк, прими из моих рук яд сатаны! Приложи свои губы туда, где я отпил.

Американец вскочил и оттолкнул его.

— Нет, нет, не хочу! Убирайся! Оставь меня!

— Я знаю, Пьетро, что ты не хочешь. Но ты должен. Слышишь: ты должен!

Он протянул свой стакан.

Дрожащими руками поднес его Пьетро ко рту, отпил глоток и выплюнул. Губы его жег адский огонь.

— Ты должен выпить!

И мистер Питер пил.

Его ноги подкашивались, глаза выходили из орбит. Ему казалось, будто он глотал расплавленный свинец.

— Прекрасно! — сказал Франк Браун. — Спокойной ночи! И вышел.

* * *

Пьетро Носклер съежился на корточках в своем углу. Его ноги дрожали и отказывались служить. «Он отравил меня!» — стонал Пьетро. Подползши на четвереньках к столу, он поднялся с трудом, взял бутылку и ударил ею об угол стола.

Внутри у него все горело. Его тело пухло, превращалось в огромный шар, в котором, оскалив зубы, сидел сатана, громко ржал и кувыркался. Пьетро чувствовал, как дьявол стянул его внутренности, рванул вниз голову и поднял колени до самых плеч.

Он лежал здесь, как шар: в таком виде дьявол хотел докатить его к морю и затем вытолкать все глубже и глубже, в самый адский огонь. Там он лопнет, и Вельзевул выскочит из него с сатанинским хохотом, и окружит его со своими товарищами...

Собрав последние силы, Пьетро упал на колени:

— Боже, сущий в небе, помоги слуге Твоему, Илии!

В этот момент сатана подскочил, как мяч, к самому горлу Пьетро. Он давил и душил его и, наконец, широко раздвинув ему челюсти, издавая отвратительное зловоние, он выпрыгнул между зубов, испуганный именем Господа Бога...

Перед домом гремел резкий, грубый голос жандарма. Франк Браун подошел к окну. Алоис Дренкер держал повод, а в седле сидела старая, искривленная нищая, Сибилла Мадруццо.

— Что с нею? — спросил Франк.

Жандарм замахал в знак приветствия рукой.

— Ничего! Она моя старая приятельница, и каждый раз, когда я приезжаю в деревню, я подвожу ее на лошади. Так немного легче ее больным старым костям.

Слуга и Тереза помогли старухе слезть с лошади, и Алоис Дренкер вошел в ресторан.

Когда Франк Браун спустился вниз, жандарм встретил его очень шумно. Он заявил, что никогда не забудет ночи, в которую его перепили.

Чтобы перевести разговор на другую тему, Франк Браун спросил:

— Вы сказали, что старая нищая — ваша приятельница....

Дренкер засмеялся.

— Сибилле на вид можно дать 80, 100 и даже

120 лет. А между тем, она совсем не так стара... Когда-то трое удалых стрелков были изрядно влюблены в нее.

— Расскажите же, как это было? — попросил Франк.

Дренкер начал рассказывать громко, поспешно, короткими, отрывистыми фразами.

— Это было лет 30 тому назад. Мы стояли в Бонне и были все трое лучшими друзьями в мире. Уссоло и я были унтер-офицерами, а Раймонди — уже фельдфебелем. Они оба были из Валь-ди-Скодра, и когда они отправлялись в отпуск, я приезжал сюда с ними: своего дома у меня не было. Когда мы являлись в деревню, мы, разумеется, становились центром всеобщего внимания; но мы были без ума от Сибиллы, и каждый из кожи лез, чтобы понравиться ей. Однако никто из нас не решался открыться в этом ни своим друзьям, ни самой девушке. Каждый строил свои планы, но никогда не делился ими. Мы все писали ей, и она отвечала, но всем троим вместе.

В один зимний вечер Уссоло заявил нам, что собирается подать в отставку, так как он любит Сибиллу и хочет жениться на ней. Это взорвало Раймонди. Он заявил, что, как старший и как фельдфебель, он имеет больше прав на эту девушку, что он любит ее и никому ее не уступить. Тут уж я тоже не выдержал и сознался в своей

любви к Сибилле. Кончилось рукопашной, и мы все попали под арест. Таким образом, у нас оказалось много свободного времени, и мы успели поостыть и обдумать положение. Сообща мы пришли к решению — предоставить выбор самой девушке, и с этой целью решено было поехать в ближайший отпуск в Валь-ди-Скодра. Пока же мы постановили не писать ей отдельно. Таким образом, мы вместе писали ей, сообща посылали ей к Рождеству и Пасхе подарки, — Сибилла и поныне хранит их. Но мы не доверяли друг другу и по несколько раз в неделю должны были клясться, что не посылали ей втихомолку писем. Наступил, наконец, отпуск, и мы втроем отправились. Никогда в жизни я не забуду этой дороги! Никто не проронил друг с другом ни слова; выражение лица у каждого было такое, словно он хотел съесть другого живьем. Я думаю, если бы не мундир, дело не обошлось бы без схватки.

Мы пришли в деревню поздно ночью. Раймонди пошел к своим родителям, я остановился у Уссоло. Но мы не заснули ни на секунду: я боялся, как бы Уссоло, воспользовавшись моим сном, не пошел потихоньку к Сибилле, — он боялся того же с моей стороны. Ни свет ни заря, мы пошли к дому Раймонди, боясь, как бы он не предупредил нас. Но не успели мы подойти, как он уже вышел из дому; очевидно, он сам опасался нас. Было еще

слишком рано, чтобы идти к Сибилле, и мы все зашли к Раймонди. Там мы напились кофе и, когда собрались идти к Сибилле, — она была уже у нас.

Мы все болтали с ней о разных пустяках, но никто не решался заговорить о том, что нас так сильно волновало.

Наконец, я отозвал товарищей в сторону и предложил метать жребий: кому первому заговорить с Сибиллой. Жребий выпал на долю Уссоло. Мы были уверены, что он получит нос, и с нетерпением ждали его возвращения; но их долго не было, наконец, они вернулись, Уссоло взял под козырек и сказал:

«Господин фельдфебель, осмелюсь доложить: унтер-офицер Уссоло и его невеста, Сибилла Мадруццо».

— Я затрудняюсь сказать, у кого было глупее лицо: у меня или у Раймонди; но, несомненно, у обоих были лица глупые.

Первым пришел в себя Раймонди. Он достал из кармана хорошенький кошелек в серебряной оправе, дал его Сибилле и поздравил жениха и невесту. Затем и я вынул пару серег и дал ей, как свадебный подарок. Тут только вспомнил Уссоло о хорошеньких часиках, которые приготовил для своей невесты.

Мы оставили счастливую парочку и пошли домой.

Настроение у нас было сильно подавленное, тем не менее, мы решили относиться по-братски к обоим. Но это было не так легко, как нам казалось сначала. Тогда мы решили вернуться в полк. Уссоло и Сибилла начали упрашивать нас побыть еще с ними; первый предложил пойти в бли-жайший храмовый праздник к его родным в Чимею, в семи часах ходьбы от Валь-ди-Скодра. Крепя сердце, мы согласились.

Мы вышли в ночь под воскресенье. Я и Сибилла шли позади, Уссоло и Раймонди — впереди. Сибилла и Раймонди шли с фонарями. Во втором часу ночи мы проходили оврагом Боацоля. Впереди шел Раймонди с фонарем, за ним — я, затем — Сибилла, и в хвосте Уссоло. Вдруг я услышал, что Уссоло выругался. Оказалось, он поскользнулся и упал на камни.

— Проклятая скотина! — вдруг закричал он, и при свете фонаря я увидел в его руке небольшую змею. Он схватил ее за хвост и размозжил о скалу ее голову.

— Она не укусила тебя? — спросила девушка.

Он рассмеялся и ответил, что, во всяком случае, ничего не чувствует. Однако, не прошло и пяти минут, как его начало сильно лихорадить; он закутался во все, что было с нами теплого, и все-таки озноб не прекращался.

Раймонди, бывший санитаром, поднес фонарь

к левой руке больного и внимательно осмотрел ее. У самого пульса была маленькая, едва заметная ранка. Рука, слегка распухшая, продолжала пухнуть на наших глазах. Раймонди перевязал крепко руку ремнем выше укуса и сказал, что теперь необходимо высосать яд. Сибилла кинулась было к жениху, но Раймонди, заметив трещины у нее на губах, не пустил ее. Осмотрев хорошенько мой рот, он нашел, что я могу без риска сосать укус змеи. Я тянул, что было мочи, пока, наконец, Раймонди не приказал мне прекратить — но больному не было легче. Тогда Раймонди решил отправиться в Чимею за вином и лекарством.

Проходили часы, а Раймонди все не было. Больному становилось все хуже и хуже.

Я решил отправиться на поиски Раймонди. Через час я встретил его со священником и тремя парнями. Оказалось, он заблудился в темноте и попал в Чимею только под утро. Когда мы вернулись к Уссоло, мы уже не нашли его; перед нами лежал его труп; над ним стояла Сибилла, наклонившись вперед всем туловищем — так, как она теперь ходит и стоит. Мы начали расспрашивать ее о подробностях смерти, но в ответ она лишь шевелила губами и ничего не говорила: она потеряла дар речи.

Что произошло в эти два часа — я не знаю и поныне. Впоследствии я несколько раз

расспрашивал Сибиллу, просил ее написать, но она лишь закрывала руками лицо и вся начинала дрожать и трясти головой; я перестал говорить с ней об этом. Однако, должно было произойти что-то очень страшное, — это видно было по ее лицу: выражение навсегда застыло на нем; только теперь, когда оно загорело и покрылось морщинами, это стало менее заметно.

Я и Раймонди сделали все, что только в человеческих силах, для ее излечения, но ничто не помогло — она осталась калекой...

Вот история красавицы Сибиллы и ее бедного жениха...

Жандарм уже давно уехал. Было довольно поздно, но Франку Брауну не хотелось еще спать. Он сел за стол, хотя чувствовал, что не будет в состоянии работать.

Вдруг ему почудился шорох за дверью. Он прислушался, окликнул Терезу, но не получил ответа. У него было ощущение, будто кто-то стоит за дверью и хочет войти.

«Пусть приходит — я готов». Но прогнал эту мысль и рассмеялся. «Нервы!» — решил он и, чтобы успокоиться, взял книгу. Он перелистал уже несколько страниц, как снова услышал за дверью возню. Он стал посреди комнаты и прислушался — действительно, кто-то возился с замком. Он подошел к двери и распахнул ее: никого! Но он

явственно различил теперь, что шум идет от двери в спальню, задвинутую на тяжелый засов изнутри. Он сделал шаг вперед, но, увидав белую фигуру, с рукой на задвижке, — инстинктивно отскочил назад и захлопнул дверь на замок.

Подойдя к столу, Франк Браун достал свой браунинг и, убедившись, что револьвер заряжен, открыл предохранитель и снова направился к двери. Но не успел он сделать и одного шага, как задвижка отскочила, и дверь открылась настежь. В дверях стоял Пьетро Носклер. На нем была черная от грязи, промокшая насквозь рубашка; на черных волосах болтался сбоку белый ночной колпак. Голые ноги, покрытые черными густыми волосами, были облеплены навозом и грязью.

«Оригинальный костюм для визита», — подумал Франк Браун. Он окликнул Американца, но тот ничего не слышал. Они пристально смотрел широко открытыми глазами прямо перед собой, ничего не различая. Франк приблизил к его лицу лампу — веки не дрогнули. Мистер Пьетро бродил ощупью, как в глубокой темноте.

Вдруг Американец остановился. Казалось, он очнулся. Он повернул опять к двери и ощупью вышел. Франк следовал за ним с лампой в левой руке и с револьвером в правой. Он видел, как Пьетро осторожно спустился по лестнице и вошел в ресторан. Здесь он нащупал буфет и достал

длинный, остро отточенный нож для разрезания мяса. Нащупав большими пальцами острие, он широко осклабился, зажал крепко клинок в правой руке и опять осторожно поднялся по лестнице. На этот раз он прошел прямо в открытую дверь кабинета. Франк стоял в двух шагах от него и следил за каждым движением, готовый выстрелить в любой момент.

Но было ясно, что его ночной гость ничего не видит и не слышит. Пьетро потихоньку открыл дверь в спальню и направился прямо к кровати, нащупал руками клинок ножа и взял его в рот.

Свет от лампы упал в эту минуту на лицо Американца, — на нем была написана безграничная ярость.

Схватив рукой подушку, Пьетро с бешеной силой всадил в нее нож; еще раз высоко поднял он нож и снова всадил его в подушку; потом вытер глаза, словно желая стереть брызнувшую в лицо кровь.

И еще и еще он продолжал вонзать свой нож в подушку...

На его губах появилась улыбка блаженства; раза два он глубоко вздохнул и выронил нож. Потом спокойной, почти твердой походкой Пьетро направился к двери.

Франк Браун шел за ним до выхода и, остановившись в дверях, смотрел ему вслед, пока

Пьетро не скрылся в темноте дождливой ночи.

Вернувшись к себе, Франк осмотрел постель: одеяла и подушки были насквозь исколоты, вдоль и поперек.

Только теперь он почувствовал страх.

— Для нас обоих лучше, что я не лежал здесь, — сказал он громко.

Босоногий, с белой шалью через плечо, с большим бумажными колпаком на голове и с деревянной саблей в руке, разгуливал по улицам глухонемой пастушок Джино. На короткой веревке он тащил за собой козу, у которой на шее, хвосте, рогах и ногах болтались большие бубенчики. Спину козы обмотали куском холста, к которому прикрепили большую куклу, усадив ее верхом, лицом к хвосту. Кукла была сделана довольно примитивно: из пакли и черных тряпок; две красные бусины изображали ее глаза. Пара рогов, длинный красный язык и зеленый хвост свидетельствовали, что она должна изображать дьявола.

Джино издавал какие-то хриплые звуки, поколачивая при этом своим мечом дьявола. Коза с испугу блеяла, и все ее одиннадцать бубенчиков звенели при этом.

Ребятишки и женщины бежали за ними гурьбой.

От времени до времени мальчик доставал из

кармана записки и раздавал их окружающим. На них было написано:

«Сегодня вечером, равно в 8 часов, в помещении для собраний, Великая битва с дьяволом. Всех христиан просят сердечно пожаловать.

Пророк Илия».

— Пойдем туда, Тереза? — спросил Франк Браун.

— Нет. Мне не хочется.

— Почему не пойти? Вся деревня там будет.

— Моего отца тоже не будет.

Франк рассмеялся.

— Твоего отца?.. Хочешь, я дам ему двадцать крон, и он пойдет.

Вся кровь бросилась в голову девушки. Но Франк не унимался.

— Ты не веришь, что он пойдет?

Она встала и посмотрела прямо в глаза.

— Я знаю, что он пойдет за деньги, я знаю, что ради них он готов на все. Я знаю также, что он взял с тебя деньги за... за... меня! Но он — мой отец, и я ничего не хочу больше слышать. Замолчи!

Ее грудь высоко подымалась, она задыхалась от гнева. Такой она ему нравилась очень, и он

продолжал ее мучить. Наконец девушка не выдержала и разрыдалась.

— Что тебе нужно от моего отца? Чего ты хочешь от этого противного Американца? Разве тебе мало меня?

— Ты пойдешь со мной сегодня? — спросил он вместо ответа.

Она молча кивнула головой.

* * *

Франк Браун поднялся к себе. Он был очень недоволен собой: зачем он мучил эту бедную девушку?!..

Он был владыкой в Валь-ди-Скодра; он держал в своей власти злобного Пьетро Носклера, а через него — всю деревню; его кошелек подчинял его воле скупого Раймонди, а взгляд его — девушку, любившую его. В самом деле, он был здесь владыкой.

Франк громко усмехнулся. Он отчетливо сознавал, что ему недоставало лишь веры... Он позвал Терезу.

— Тереза, ты можешь всему верить? И если я скажу тебе, что солнце свалится с неба, — ты поверишь? Или, что у меня на голове ползет червь, — ты тоже поверишь и даже увидишь его?!

— Ты болен...

— Нет, не я — вы больны: ваша вера — болезнь. И я ничего так страстно не желаю, как заразиться ею; но я иммунизирован от нее. Ты одна можешь помочь мне.

— Возьми же мою жизнь! — прошептала Тереза.

Он вскочил и оттолкнул ее.

— К чему мне твоя жизнь? Мне нужна твоя вера, горячая вера! Дай мне силы поверить в самого себя, — и я сам буду чудодеем, который вознесет тебя на небеса!

— Я верю в тебя! — сказала она.

— Да, ты веришь в меня. Все вы верите в меня. Но отчего я сам не могу уверовать? Скажи мне, владыка ли я, если весь мир говорит это?

— Ты — владыка!

— И ты веришь в меня? Больше, чем в Бога, чем во все остальное на свете?

— Я верю в тебя одного!

Он зашатался, ноги его подкосились, и он свалился на кровать.

— Моя возлюбленная! — прошептал он...

* * *

— Уже восемь часов. Мы ведь собирались на бой с дьяволом к Пьетро.

Он посмотрел на нее.

— Ты хочешь идти туда?

Она засмеялась.

— Разумеется, с тобой!

Они пришли, когда все были уже в сборе. На этот раз Пьетро Носклер постарался украсить несколько свой сарай: со всех поперечных балок спускались фонари; на массивных столбах торчали четыре факела, а на стенах и балках висели огромные картонные щиты с изречениями из Священного Писания.

Все пели великопостную молитву. Одни сидели, другие стояли, третьи молились на коленях. Музыканты сидели в левом углу, и их инструменты, издававшие отвратительные звуки, покрывали и заглушали друг друга.

Пение кончилось. Американец взял у стоявшего позади него портного Ронхи молитвенник, раскрыл его и вернул портному, и последний, запинаясь, водя пальцем от слова к слову, прочел указанное ему место. Все пали на колени и воскликнули: «Аминь!»

Затем Пьетро спросил, не чувствует ли кто-либо потребности «поведасть душу?»

Немедленно поднялся рыжеволосый Скуро и в сотый раз рассказал, как он раньше был пьяницей, и как его осенила благодать. Не успел он окончить, как встала Матильда Венье. Она протискалась сквозь ряды молящихся, бросилась на колени перед

образом Христа и, плача навзрыд, долго молилась. Потом встала и обратилась к собравшимся.

— Я должна вам поведать свою душу! — воскликнула она. — Вся моя жизнь была сплошной цепью грехов. Меня крепко держал дьявол в своих когтях, но святые молитвы брата Пьетро сломили силу злого духа.

Молитесь за меня, возлюбленные братья и сестры. Да простятся мне мои грехи! Мое второе дитя, Фиаметта, — не дочь моего мужа, Мариана Венье, а дочь жандарма — Алоиса Дренкера.

Иди сюда, Фиаметта! Пусть все видят тебя, плод моих прегрешений! — и с этими словами она схватила за волосы восьмилетнюю девочку.

Испуганный ребенок ухватился за платье отца, плакал и кричал, а мать с силой тащила и толкала вперед.

— Вот живое напоминание о греховных объятиях! О, братья и сестры! Простите меня! Молитесь со мной о прощении мне великих грехов!

Всплеснув высоко поднятыми руками, она тяжело опустила их на худенькие плечики ребенка.

— Становись на колени, мерзкий ублюдок, и молись о прощении грехов твоей матери.

Венье стоял, разинув рот, и почесывался. Все устремились вперед, давили друг друга и с любопытством вытягивали шеи, чтобы лучше видеть супругов Венье и ребенка, плод грешной

любви.

Наконец, Американец приступил к молитве. Все опустились на колени и вторили словам молитвы. По окончании ее он приказал всем подняться и начал свою проповедь.

Это были все прежние убогие мысли, но Франк Браун чувствовал за ними скрытый огонь, который вот-вот прорвется наружу ярким пламенем... Он слышал шум ветра и ждал, когда в этой душной, тяжелой атмосфере разразится страшная буря.

На мгновение Американец умолк и вдруг торжественно воскликнул:

— Бог послал мне знамение!

Казалось, с этими словами он пересек поток, лежавший на его пути.

— Ждите, возлюбленные братья и сестры! Я откроюсь вам!

Пьетро вскочил и обеими руками поднял по направлению к присутствующим медную чашу.

— Идите сюда, — воскликнул он, — и пейте вино!

Трепет пробежал по собравшимся. Первой отпила Матильда Венье.

Фиаметта обошла с чашей присутствующих.

Все пили. Девочка всех обносила вином.

Когда очередь дошла до Терезы, она хотела отказаться; но Франк Браун шепнул ей: «Возьми и